

Начало истории Содружества связано с решениями британской колониальной конференции 1887 года на которой были приняты основы новой колониальной политики-формирования союза метрополии и квазигосударственных образований-доминионов. В начале XX века основой Содружества стали наиболее развитые в экономическом отношении части империи: Канада, Австралийский Союз, Новая Зеландия, Южно-Африканский Союз, Ньюфаундленд и Ирландия. Дальнейшее законодательное оформление Содружества наций произошло в межвоенный период. На конференции премьер-министров Великобритании и доминионов 1926 года была подписана т. н. декларация Бальфура, в которой декларировалось признание, что доминионы и метрополия имеют равный статус и не являются зависимыми одно от другого в каком бы то ни было аспекте своей внутренней и внешней политики, несмотря на то что «их сближает общая верность Короне и свободное членство в Британском содружестве наций».

Законодательно правовой статус Содружества был закреплен Вестминстерским статутом от 11 декабря 1931 г. – государства – участники Содружества были связаны с Великобританией личной унией – их главой признавался британский монарх. Накануне Второй мировой войны проект Содружества Наций был подкреплен идеей необходимости совместной обороны метрополии и доминионов от внешней угрозы. Впрочем, в годы войны оказалось, что ослабевшая метрополия оказалась неспособна обеспечить безопасность своих доминионов. В послевоенный период Содружество проходит этап реформирования. С 1946 года Британское Содружество Наций стало называться Содружеством Наций. С 1949 года в соответствии с решениями совещания премьер-министров стран Содружества ее члены, провозгласившие республиканскую форму правления, сохранили членство в организации. В 40–е гг., параллельно с процессом развития Содружества, происходит распад Британской империи. Бывшие колонии, приобретая статус доминионов, входят в состав Содружества. В 40 – 50-е гг. XX века происходит процесс разворачивания одной структуры – Содружества за счет «наследства» предшественницы – Империи.

Стоит акцентировать внимание на том, что Содружество ни по форме, ни по своим функциям не является преемницей Британской империи. Характеризуя Содружество, можно выделить следующие моменты:

1) Содружество не является политическим союзом. Большинство государств Содружества не признают британского монарха главой своего государства, бывшая метрополия – Великобритания не имеет возможности политического давления на члены Содружества. Кроме того, старые структуры имперского управления метрополий не вошли в состав управления данной постимперской организации.

2) Проекты экономического доминирования метрополии и бывших частей империи оказались недолговечными (стерлинговая зона, система имперских преференций), что не дает основания говорить о Великобритании как об экономическом центре Содружества.

3) Приоритет в целях Содружества отдается гуманитарным миссиям, образовательной и культурной деятельности.

На сегодняшний день Содружество наций представляет собой межгосударственное объединение независимых суверенных государств, в которое, помимо бывшей метрополии, входят почти все ее бывшие доминионы, колонии и протектораты. Дискуссионен вопрос о будущем данной постимперской структуры. В послевоенные годы из состава Содружества вышел ряд азиатских и африканских стран. Вопрос о судьбе данной организации в свете развивающихся мировых интеграционных процессов остается открытым.

История Британской империи в XX веке являет собой уникальный пример плавной трансформации собственно империи в качественно иную структуру, основу единства которой обеспечивают не политико-силовые методы, а гуманитарное и экономическое сотрудничество.

Источники и литература

1. Алаев Л.Б. Империя: феномен или этап развития? // Вопросы истории. – 2000. – №4–5.
2. Подвинцев О.Б. Постимперская адаптация консерватизма.

Шевченко О.К.

КОНЦЕПТ «ГРАЖДАНСКОЕ СОГЛАСИЕ» В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ О ВЛАСТИ

Для постсоветского пространства стал привычен все углубляющийся раскол между обществом и государством, между горизонтальной и вертикалью власти, а также сопутствующие ему декларации о построении гражданского общества и правового государства. Параллельно идут процессы теоретического осмысления складывающейся властной реальности как в науке (социологии, политологии, психологии), так и в границах философского знания. В рамках последнего, около 15 лет назад появилось новое направление, поставившее перед собой цель изучения фундаментальных, аксиоматических основ власти. Оно получило название «философия власти». Основателями этого направления в конце 80-х – начале 90-х годов XX в. выступили как известные: В. В. Мшвениерадзе, А. А. Ильин, А. С. Панарин [1, 17, 6], так и малоизвестные на тот момент специалисты: В. Г. Ледяев, В. Ф. Халипов, О. В. Плотникова [5, 19, 7] и др. И хотя, философия власти как академическая дисциплина все еще находится в фазе становления, она уже обладает значительным наработанным опытом. Преодолевая «болезнь роста», философия власти стремится обработать и просеять сквозь призму властной проблематики смежные с ней вопросы. В первую очередь это касается проблемы государственного строительства, претворения в жизнь принципов гражданского общества, разрешения межэтнических и религиозных конфликтов, изучения феноменов авторитета, лидерства и тирании. Несмотря на обширную тематику, ряд во-

просов «выпадает» из поля зрения философии власти. Примечательным является отсутствие усилий в постижении комплекса проблем, связанных с идеей гражданского согласия. Эта ситуация не без основания претендует на статус казуса, так как заявленная тема не только плодотворно рассматривается в политологии, социологии, истории и психологии, откуда философия власти черпает свой эмпирический материал, но и является ключевой проблемой становления гражданского общества, на изучение которого философия власти тратит серьезные ресурсы.

Сложившаяся ситуация во многом объясняется ложным представлением о ненужности понятия «гражданского согласия» для изучения власти, о том что оно узко, предметно, технологично и является необходимым лишь для описания специфики гражданского общества в политике или социологии. Его предпочитают заменять такими концептами как солидарность, толерантность, общность интересов, договоренность.

Противоречивость и неопределенность подобной эпистемологической ситуации заставляет определить **целью статьи** рассмотрение потенциала концепта «гражданское согласие» для философии власти. Цель обусловила необходимость:

- выявить ключевые концепты проблемы;
- осуществить историко-этимологический и семантический анализ концептов власти в русском языке;
- уточнить статус понятия «гражданское согласие» для освоения властной реальности.

Объектом исследования является философский дискурс о власти, а **предметом** – концепт «гражданское согласие» в философии власти.

В качестве ключевых понятий следует определить: власть и гражданское согласие. Это позволит выявить точки соприкосновения семантических полей двух заявленных проблем в философском дискурсе о власти, а затем на основании семантического и историко-этимологического анализа определить потенциал концепта «гражданское согласие» для постижения властной реальности. Первоначально обрисует семантический круг власти.

Словари дают следующую картину этимологии власти в старославянском языке:

1. Власть: (из владеть) властвовать, властный, властитель, область, областной.

- Волость, волостный;
- Волость, волостель, волостелин;
- Власть, властник, собственник; глава дому;
- Власт, могущество, властель. Дворянин, властник, собственник.

Др. славян. Vala – сила, господство [8, с. 216].

2. Власть: володеть, володею, волость – «власть», «право», позже (10 в.) «государство», «страна», еще позже «округ».

В русском языке владеть и власть из старосл. Volost [4, с. 157].

3. Власть:

- область, княжество, государство;
- владение, собственность;
- власть, **господство, владычество;**
- право, возможность что-л. делать;
- лица, облеченные властью [9, с. 444–446].

Толковые словари русского языка предоставляют следующее объяснение такого ключевого понятия, как власть.

1. Власть:

- **Право, сила и воля** над чем-либо, **свобода** действий и распоряжений; начальствование; **управление** [2, с. 213].

2. Власть:

- **Право** и возможность подчинять кого-что-н. своей воле, распоряжаться действиями кого-н.;
- права и полномочия правительства, правительственного лица;
- образ правления, **государственный строй;**
- могущественное **влияние**, принудительная **сила;**
- лица, облеченные властью, **начальство** [14, с. 310].

3. Власть:

- **Право** и возможность распоряжаться кем-чем-н., подчинять своей воле;
- политическое господство, **государственное управление и его органы;**
- лица, облеченные правительственными, административными полномочиями [16, с. 86].

При этом словари литературного русского языка во многом более официозны:

1. Власть:

- **Право управления государством;** права и полномочия правительства, правительственных органов;
- органы государственного управления; правительство;
- форма правления страной, государственный строй;
- право и возможность **повелевать**, управлять, распоряжаться действиями, поведением кого-либо [11, с. 436–437].

2. Власть:

- **Право и возможность повелевать**, распоряжаться действиями, поведением кого-либо;
- Могущественное влияние чего-либо, неодолимая сила чего-либо;
- **Форма управления страной;**
- Право и возможность управления государством;

– Органы государственного и местного управления [13, с. 304].

Следует отметить интересную деталь. Определение власти в дореволюционных словарях и словарях эпохи Перестройки имеют менее императивный характер и апеллируют к таким ценностям, как право, справедливость, уделяя значительное внимание возможности, потенции власти. Для советских словарей 30–50-х годов власть – это государство, безусловное право диктатора. Подобный сюжет тоталитарного прошлого прочно вошел в советскую культуру и спустя 15 лет после крушения СССР не исчез из нашего повседневного и литературного языка, риторики политиков (где власть, там всегда органы власти), философских и научных исследований власти (см. концепции власти).

На основании представленных определений можно выстроить ряд понятий, которые входят в семантическое поле власти: **воля, сила, свобода, право, могущество, влияние, господствование** (более удобная форма, чем повеление), **управление, государство**.

Кроме того, при анализе понятия «владеть» в толковых и литературных словарях XIX–XX веков прослеживается четкая связь с понятием «власть».

Так в словаре В. И. Даля представлен следующий семантический ряд: **«Владеть: обладать; владычествовать, властвовать; управлять полновластно; иметь в своей собственности, называть по праву своим»** [2, с. 212].

В словаре Д. Н. Ушакова:

Владеть:

- Иметь что–н. своей собственностью, обладать;
- **держат в своей власти**, управлять (книж);
- быть в состоянии действовать чем–н., пользоваться чем–н. [14, с. 305].

В толковом словаре С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой:

Владеть:

- **иметь своей собственностью;**
- **держат в своей власти, подчинять** (в отличие от словаря Ушакова это опять не книжное, а вполне живое выражение);
- Уметь, иметь возможность пользоваться чем-нибудь, действовать при помощи чего-нибудь [16, с. 86].

Таким образом, к заявленному ряду следует добавить такие важные понятия, как **Обладание и Собственность**. Полный ряд выглядит следующим образом: **воля, сила, свобода, право, могущество, влияние, господствование** (более удобная форма, чем повеление), **управление, государство, обладание и собственность**.

Выбранная методология диктует необходимость выстроить иерархию концептов, которые в силу своей укорененности в русском языке должны определить границы дискурса о власти.

За центр схемы можно взять концепт «**власть**». Его ближайшими спутниками являются «**сила**», «**воля**», «**право**», «**свобода**». Для пояснения последних и качественной оценки самой власти в словарях употребляются такие концепты, как «**могущество**», «**влияние**», «**господствование**», «**управление**». Следующий ряд представляют два понятия, которые иногда отождествляются с властью, но чаще служат для наглядной, количественной, опредмеченной иллюстрации заявленных и довольно абстрактных понятий. Эти два концепта – «**государство**» и «**собственность**». Последним концептом, семантическое поле которого включает в себя все заявленные понятия, концептом, который структурирует представленную систему и является ключевым для определения генезиса власти, служит понятие «**обладание**».

Второй базовый концепт – «гражданское согласие», является понятием синтетическим, составленным из двух блоков: гражданин, гражданство, гражданственность и согласие.

Что касается «гражданства» и «гражданственности», то их семантика в отечественном языке сильно заужена и восходит к корневому, с точки зрения составителей словарей, концепту – гражданин. Поэтому он и выступает предметом дальнейшего рассмотрения.

Гражданин.

- Городской житель, горожанин, посадский.
- **Член общины или народа, состоящего под одним общим управлением**; каждое лицо или человек, из составляющих народ, землю, государство.
- **Противопологается иногда государственному или правительственному, и тогда значит: частный, домашний, общинный.**
- Сословие граждан, граждане. Гражданственный, ко гражданству относящийся. Гражданственность ж. состояние гражданской общины; понятия и степень образования, необходимые для составления гражданского общества [2, с. 389–390].
- В советских изданиях толковых словарей гражданин довольно четко идентифицируется как:
- **Лицо, принадлежащее к постоянному населению данного государства, пользующееся его защитой и наделенное совокупностью прав и обязанностей*** [16, с.143].

Именно последние трактования «гражданина», как формы **принадлежности** к населению государства является базовым для большинства теорий использующих данный концепт, его изначальный, корневой смысл «член общины, народа, семейный, домашний» из разговорного и литературного языка исчез. В таком смысле

* При этом любопытно, что этимологические словари игнорируют этот концепт, а словарь синонимов, по существу вообще не знает такого слова как гражданин, довольствуясь терминами «гражданский» и «штатский» [10, с. 251].

он лишь иногда употребляется в специализированных работах по гражданскому **обществу**.

Второй концепт – согласие, имеет генетическую связь с гласом: со-гласие, совместное звучание, гармония звука, речи, а в перспективе и поступков. В кратком этимологическом словаре русского языка отмечено, что согласие это: «заимствование из старославянского языка, где оно является словообразовательной калькой греческого «symphonos» [20, с. 420].

Гораздо интересней эволюция этого понятия в русском языке:

Согласие.

- Согласие ср. одномыслие, одинаковые с кем мысли или чувства, намерения, убеждения; **состояние многих, согласившихся на что-либо общее.**
- Разрешение, дозволение, изволение, одобрение, утверждение, как прямое желание согласившегося на что-либо, или как уступка его.
- **Взаимная дружба и любовь, кротость, тишина по дружелюбию,** совет в семье, единокорие в обществе, отсутствие ссор, несогласий.
- **Соразмерность, взаимное соответствие частей целого,** сообразность, симметрия, или пропорциональность. Согласие всех частей здания. Взаимное согласие частей сочинения по объему их, по взгляду на дело и пр. Согласие красок, цветов, угодный глазу подбор. Согласие звуков, созвучие, угодное уху сочетание; лад, стройность;
- Согласие, сиб. совет, сгонка; суждение, мир, сход, мирская сходка.
- Раскольничий толк, секта, круг, или соглас, у хлыстов и скопцов, корабль.
- Слово соглас знач. **соглашение, согласование, согласие, братство, круг, согласица,** то же согласный, согласованный с чем; согласенный на что, отвечающий на что согласием, во всех знач [3, с. 258].

Но уже в советских словарях в понятии согласие приоритеты меняются:

1. Согласие:

- **утвердительный ответ** на что–н – на просьбу что–н сделать или на просьбу разрешить что–н сделать, разрешение;
- **согласиться – соглашаться; взаимное одобрение;**
- **единомыслие, общность точки зрения, солидарность;**
- мирные, дружественные отношения, **единокорие;**
- соразмерность, **гармония (устар.);**
- У старообрядцев – секта [15, с. 347].

2. Согласие:

- **утвердительный ответ** на что либо; позволение, разрешение;
- **согласие, взаимная договоренность;**
- **общность взглядов, мнений и т. п., единомыслие, единокорие;**
- взаимная дружба, **мирные дружественные отношения;**
- согласованность, слаженность, **гармония;**
- религиозная община, секта [12, с. 110].

3. Согласие:

- одно из течений внутри старообрядческого толка (спец);
- **разрешение, утвердительный ответ на просьбу;**
- **единомыслие, общность точек зрения;**
- **дружественные отношения, единокорие;**
- соразмерность, стройность, **гармония** [16, с. 472].

Обращает на себя внимание «выпадение» из словарей формулировки согласия как «состояния многих согласившихся на что-либо». Оно было заменено на единомыслие, единокорие или взаимную договоренность. Если в словаре В. И. Даля в изначальном определении слова доминировало представление о согласии как согласованном, обсужденном общем деле (почти соборности или гармонии поступков), то в современных словарях его замещает либо формальный договор, либо обезличенное единомыслие и единокорие. В такой трактовке понятия теряется важнейшая составляющая согласия – индивидуальная ответственность, которая заменяется либо коллективной безответственностью, либо ссылкой на пункты договора, а это уже проявление юридического позитивизма, тождественного прагматизму. Взаимная дружба, братство и любовь, трансформируются в мирные, дружественные отношения, где правит бал внешняя, формальная, отчужденная от человека сторона согласия. Генетическая связь концепта с такими ценностями, как свобода, собственность, формальное равенство и справедливость уступают место обезличенным нормам поведения. На первое место в определении концепта выходит «утверждение», «разрешение» и «позволение», что накрепко привязывает согласие к понятию «власть» в ее преимущественно государственно-бюрократическом облики*.

В настоящее время понятие гражданское согласие в литературном и живом русском языке несет на себе печать тоталитарных реалий прошлого. Оно имеет искаженный и обюрокраченный смысл. С одной стороны, гражданственность представляется как набор обязанностей и привилегий винтика государства – гражданина, с другой стороны «со-гласие» трактуется как единомыслие и единокорие. В итоге, гражданское согласие не более чем одномыслие поданных государства. В этом случае, гражданское общество рассматривается как одна

* Любопытно, что попытка в 30-е годы удалить из словарного запаса определение согласия как гармонии – не удалось. Оно сохранилось, хотя и занимает последние позиции в реестре определений концепта. Это говорит о живучести его изначального, ориентированного на общечеловеческие ценности, смысла.

из структур государства.

Политические реалии сегодняшнего дня, процессы ниспровержения «идеалов оранжевой революции» наглядно иллюстрируют практическую направленность сформулированного теоретического тезиса. Можно смело утверждать, что данное определение вышло за рамки проблем филологического дискурса, став реальным фактором нашей повседневной общественной, политической, правовой, социокультурной и экономической жизни.

Предположение о существовании свободы и равенства при заявленном семантическом поле гражданского согласия – фикция. Одномыслие, по определению, убивает свободный выбор, а формальное равенство растворяется в единодушии (искренним на уровне мифологического мировоззрения или искусственным, основанном на идеологических клише – не суть важно). Право на жизнь в таких условиях скорее условно, чем безусловно, а справедливость становится «продажной девкой», которой обладают либо по праву силы, либо по праву большинства (все той же силы, но прикрытой лозунгами о демократии).

Такие формы как гармония, солидарность, которые предполагают не единомыслие, а осознанное желание действовать со–вместно, выделяют личность из толпы и предоставляют ей право выбора, исчезают из популяризованных, а зачастую, и профессиональных трактовок этого концепта. Игнорируется тот факт, что в русском, живом языке «со–гласие» выступало как решение общины, круга (но никогда не государства) или служило для оппозиционности вертикали власти в форме религиозного протеста, направленного против государственно–церковной машины. Это знание стало достоянием узких специалистов: историков, филологов. Оно не востребовано ни политологами, ни социологами, ни философами.

Ключевыми понятиями, составляющих ткань концепта «гражданское согласие», следует признать: **со–стояние многих, согласившихся на что-либо общее, дружба, любовь, братство, доверие, единодушие, единомыслие, гармония, взаимная договоренность, утвердительный ответ, позволение, разрешение.**

В силу сложности концепта, учитывая ограниченный объем статьи и ставя перед собой цель не столько всестороннего анализа понятия «гражданское согласие», сколько выявление потенциала его концепта для философии власти, не представляется возможным осуществить структурную организацию его семантического поля. Автор ставил задачу выявить точки сопряжения семантических полей власти и гражданского согласия, для которого вполне достаточно уже наработанного эмпирического материала.

- **Обладание.** Важнейшая взаимосвязь этого концепта власти с гражданским согласием проявляется – в обладании самим собой, через индивидуальную ответственность или коллективную безответственность, в форме единомыслия или осознанного выбора своего будущего и своего «Я».
- **Государство и собственность.** Они находятся в постоянном отношении когерентности, синергии и каузальности с внутренним содержанием гражданского согласия: гармония или единомыслие, любовь и братство или договор, дружелюбие или просто дружеские отношения. Гражданское согласие выступает тестом государства и диагнозом регламента отношений собственности. Оно характеризует, а отчасти, и влияет на внутреннее содержание государственных структур в диапазоне от тоталитаризма до анархии, от частной собственности до коллективного владения.
- **Могущество, влияние, господствование, управление.** Здесь гражданское согласие знаменует собой степень взаимодействия между субъектом и объектом власти, специфику их отношений, которые позволяют говорить либо о господствовании, либо об управлении или влиянии. С другой стороны могущество определяется количеством со–гласных с волей субъекта власти, и характером самого согласия в рамках духовного мира индивида, семьи, общества и государства.
- **Сила, воля, право, свобода.** Представленные концепты во многом являются олицетворением ценностей власти, ее абсолютными характеристиками, но они являются таковыми лишь постольку, поскольку люди **согласны** их принимать и не только через решение индивида, но и через признание за этими ценностями статуса фундаментальных условий гармоничного общественного бытия. Как только назревает ситуация отказа от этих ценностей, появляется феномен бегства от свободы, отказ от права и воли, фетишизация внешней, животной силы, власть выхолащивается в огрубленную форму насилия, теряя свою созидательную силу и сохраняя лишь деструктивные характеристики [18].
- **Власть.** «Гражданское согласие» является неотъемлемой частью этого концепта. Оно выступает как составляющая власти на всех ее семантических уровнях. С другой стороны, «власть» не может семантически поглотить концепт «гражданское согласие», ибо последний вырастает из таких ценностей как гармония, свобода, совесть, любовь, дружба, братство. Власть не располагает этими ценностями, а только выборочно востребует их функциональную значимость, через «гражданское согласие». Власть лишь постольку является властью, сохраняя гибкость, живучесть и функциональную пластичность, поскольку способна вмещать в себя корневые смысловые конструкции гражданского согласия, работать с ними с учетом принципов синергии и когерентности, сводя на нет присущие ей самой деструктивные характеристики и фундируя свои созидательные способности. В противном случае, власть обречена на недолговечность и самоуничтожение, о чем и говорит история тоталитаризма, тирании и деспотии.

Особенно ярко роль концепта «гражданское согласие» проявляется в философии власти при рассмотрении проблемы становления правового государства и гражданского общества на постсоветском пространстве. Для подтверждения этого утверждения можно привести ряд тезисов, раскрывающих существо проблемы с точки зрения философского дискурса о власти.

- Само по себе государство обладает способностью к структурной организации «ойкумены», но общество обладает потенциалом к саморганализации через управление и самоуправление.

- Без государства (за которым стоит вертикаль власти) с его субординацией и жестким каркасом, общество (горизонталь власти) – обречено на самоуничтожение, но в свою очередь, и вертикаль власти без горизонтали не минуемо вырождается в деструктивную силу авторитарного и тоталитарного толка.
- Взаимосвязь, взаимодействие а также взаимообусловленность вертикали и горизонтали власти на уровне распределения власти, доминирования одной из указанных структур над другой – является наиболее острой проблемой на постсоветском пространстве.
- Благодаря своей генетической связи с такими ценностями как гармония, формальное равенство, братство, свобода, гражданское согласие может быть рассмотрено как предпосылка **диалога** между вертикалью и горизонталью власти, что является первым шагом на пути к построению гражданского общества и правового государства.
- Заявляя о своем качестве предпосылки гражданского общества, находя свои основания в аксиологической сфере, презентуя себя как необходимую предпосылку существования баланса между горизонталью и вертикалью власти, гражданское согласие становится ключевой проблемой претворения в жизнь идеи гражданского общества и формирования правового государства.
- Попытка «загнать» проблему в прокрустово ложе «национальных» или чисто «государственных» интересов, при помощи филологии или политических манипуляций, лишает гражданское согласие его аксиологической интерпретации, выхолащивает смысл диалога между вертикалью и горизонталью власти и, в конечном итоге, превращает идею гражданского общества в теоретический казус, забавный парадокс «мечтателей» новейшего времени. При этом сама философия власти низводится до статуса знания о заоблачных, абстрактных, а потому и не существенных аспектах властной реальности, до ранга пятого колеса в карете «правильных наук о власти»: социологии, политологии, истории и психологии.

Источники и литература

1. Власть: Очерки современной политической философии Запада: коллективная монография под ред. В. В. Мшвениерадзе – М.: Наука, 1989. – 328 с.
2. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: Русский язык, 1989. – Т.1. – 699 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х томах. – М.: Русский язык, 2000. – Т.4. – 688 с.
4. Историко-этимологический словарь современного русского языка в 6-и томах. / Под ред. П. Я. Черных. – 2-е изд. стереотип. – М.: рус. яз., 1994. – Т. 1. – 623 с.
5. Ледяев В. Г. Власть: концептуальный анализ. – М.: Росспэн, 2001. – 384 с.
6. Панарин А.С. Философия политики. – М.: Новая школа, 1996. – 424 с.
7. Плотникова О. В. Власть и формы ее проявления. – Уссурийск: изд-во УГПИ, 1996. – 129 с.
8. Преображенский А. Г. Этимологический словарь русского языка в 2-х т. – М.: Инostr. и нац. сл-рей, 1959. – Т. 1. – 717 с.
9. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.) в 10 томах. / Под ред. Р. И. Аванесова. – М.: Рус. яз., 1988. – Т. 1. – 528 с.
10. Словарь синонимов русского языка: в 2 т. – М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2003. – Т. 2. – 857 с.
11. Словарь современного русского литературного языка в 18 томах / Под ред. В. И. Чернышева. – М.–Л.: АН СССР, 1951. – Т. 2. – 1393 с.
12. Словарь современного русского литературного языка в 18 томах. / Под ред. В. И. Чернышева. – М.–Л.: АН СССР, 1963. – Т. 14. – 1391с.
13. Словарь современного русского литературного языка в 20 томах. / Под ред. И. С. Горбачевича. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: рус. яз., 1991. – Т. 2. – 960 с.
14. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д. Н. Ушакова в 4-х томах. – М.: Сов. Энцикл., 1935. – Т. 1. – 1565 с.
15. Толковый словарь русского языка. / Под ред. Д. Н. Ушакова в 4-х томах. – М.: Сов. Энцикл., 1940. – Т. 4. – 1501 с.
16. Толковый словарь русского языка. / Сост. С. И. Ожегов и Н. Ю. Шведова. – 4-е изд. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
17. Философия власти. / Под ред. А. А. Ильина. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 271 с.
18. Фромм Э. Бегство от свободы; Человек для себя: Пер. с англ. – Минск.: Попурри, 2000. – 672 с.
19. Халипов В. Ф. Наука о власти. Кратология. – М.: «Ось-89», 2002. – 448 с.
20. Шанский Н. М., Иванов В. В. Шанская Т. В. Краткий этимологический словарь русского языка. / пособие для учителей. – 2-е изд., испр и допол. – М.: Просвещение, 1971. – 542 с.